

ЭВЕЛИНА АЗАЕВА



СКОРО ПРИДЁТ ГЕРОЙ

РАССКАЗ

К счастью, следующие клиенты — китайцы. Вот о чём думала Анна, когда ехала по улицам Калгари к маленькому аутичному мальчику. Анна — специалист по работе с такими детьми, едет развивать пятилетнего мальчика. Сейчас, через месяц после объявления Россией спецоперации на Украине, работать стало трудно. К стрессу профессии (видишь чужое непоправимое горе, улучшить детей можно, вылечить — нет), прибавилось то, что в каждом канадском доме постоянно включён телевизор и население прилипло к экранам. Смотрят на настоящую войну в Европе. Они привыкли, что война идёт где-то на Ближнем Востоке, в Азии, в далёких и нехороших странах. Там живут недемократичные, дикие люди, о чём говорить вслух, понятное дело, нельзя, но мы же понимаем... Они выдают девочек замуж за дедушек, практикуют женское обрезание, они вешают геев, и у них нет честных выборов. А значит, ковровые бомбардировки — это правильно, и ура-ура нашей коалиции.

А тут снаряды рвутся в Европе. У всего мира на глазах. Путин (тиранище!) начал войну! Неважно, как там русские её называют, это самое настоящее вторжение в маленькую, никому зла не сделавшую, такую симпатичную,

АЗАЕВА Эвелина Шамильевна родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак Казахстанского государственного университета. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором "Комсомольской правды" в Сибири. С 1998 года живёт в Канаде. 14 лет издавала газету "Комсомольская правда в Канаде". Является корреспондентом "Комсомольской правды" в этой стране. С 2018 года издаёт газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде, — "А хочешь в Канаду?" и "Полное накрытие". Печаталась в журналах "Нева", "Аврора", "Огни Кузбасса", "Крым", "Байкал". Дипломант 1 степени литературного конкурса "Мгинские мосты" (Санкт-Петербург 2021). Член Новосибирского отделения Союза писателей России.

с венками и ленточками Украину, которая просто хочет свободы от страшной, азиатской, гулагоподобной России.

И вот Россия обидела ребёнка. Канада, обукраиненная снизу доверху, сразу заявила, что будет помогать. Народ влип в экраны. Такого шоу ещё не было. Бомбардировки Белграда в 1999-м не заметили, ибо, опять же, НАТО спасало хорватов и албанцев от сербов — таких же зловредных и непредсказуемых, как русские и арабы.

Анна приходит в разные дома и обычно идёт в комнату ребёнка через гостиную. В последнее время почти всегда — мимо семьи, которая смотрит по телевизору, как русские танки движутся по украинской земле. Русская учительница, конечно, не рассматривает эти территории как Украину, а считает землями Российской империи, и народ там, по её мнению, свой, родной, хотя и обманутый, зомбированный, но говорить об этом она не будет. Это как кричать сумасшедшим в уши, что они сумасшедшие. Никто не поверит, а с работы уволят. В стране не принято на работе обсуждать политику. И уж тем более быть на стороне России.

Анна никому ничего не говорит, но неприятно смотреть, как действиям твоей страны ужасаются. А вот с китайцами легко — они ей улыбаются, с Путиным согласны. Индусы тоже ласково смотрят.

— Хотите чаю? И у меня есть булочки, — предлагает китайская мамочка.

Анне не положено угощаться, но у восточных народов принято угощать. Не отстанут, пока не подкормят, и она принимает чай, но отказывается от булочек, ссылаясь на несуществующую диету.

С китайчком проводит два часа. Выкладывается. По-другому, как некоторые её коллеги, не может. В конторе, где она работает, центре для аутистов — частном заведении — делают всё спуща рукава, только чтобы родителям пыль в глаза пустить. Ни пособий там толком нет, ни развивающих игрушек. Разделили большое помещение, размером со спортзал, на стеклянные кубрики, на окнах помещения — специальное покрытие, чтобы сотрудники видели улицу, а оттуда к ним никто не мог заглянуть, и занимаются с аутистами. Анна наблюдала, чем: обычно сидят в телефоне, а ребёнок сам, один, в углу играет. Если умеет играть. А то просто сидит, раскачивается.

Ей по её требованию выдали листочки с чёрно-белыми заданиями, она пошла в магазин, купила с цветными рисунками, но ответили, что нет, нельзя, есть свой план, вот по нему и иди... И если родитель через месяцы спросит, почему ребёнок ничему не научился, на него внимательно посмотрят и скажут:

— Так он аутист. Чего вы ждали? Тут быстрых результатов не бывает.

Ложь! Если заниматься, бывают. Анна за несколько занятий обучает держать ложку или застёгивать молнию на куртке, пить через соломинку или мыть руки. Упор в канадском образовании для аутистов — на навыки самообслуживания.

Особенно ей жаль четырнадцатилетнего Стивена, которого привозят и бросают с телефоном в руках. С ним ужасно тяжело. Уже большой парень — и по возрасту, и физически развит. Она с ним позанимается час — порисует, покажет картинку, назовёт предметы на них, попросит повторить, а ему в центре для аутистов ещё пять часов быть, уже без неё. И его просто запирают в кубрике с телефоном. А кто может пять часов смотреть мультики? И он бесится, кричит, бьёт в дверь, в стёкла. А они из спецматериала — не пробьёшь...

Хотелось бы сказать его родителям, которые платят большие деньги за то, чтобы сына развивали, что им никто не занимается, но тогда будет скандал, её выпрут с работы. А деньги очень нужны. Анна — одинокая женщина, она платит за дом (хоть и субсидированный, дешёвый, а все-таки счета съедают третью часть зарплаты), за машину надо платить — бензин и страховку, плюс еда, лекарства для больной восемнадцатилетней дочери.

На самом деле это племянница. Её мать умерла, девочка была удочерена Анной в три года, и теперь она любимая доченька. Единственная. У неё оказалось тяжёлое и редкое заболевание. Надо лечить, зарабатывать.

А совесть за Стивена гложет, и Анна наблюдает за родителями, которые оставляют паренька в аутическом центре, пытаясь понять: они знают, что их ребёнку не помогают? Вскоре замечает, что его нередко привозят грязным. Значит, дома о нём тоже не особенно заботятся. Не любят, а терпят, и вот бросают сюда, чтобы не мешал. Отдыхают.

Это самое болезненное — видеть, что родители не любят своего “особенного” ребёнка. Конечно, их можно понять — трудно с таким двадцать четыре часа в сутки. Домашняя психбольница. Но, с другой стороны, Анна знает, что если ребёнка любят, он улучшается. Аутисты ведь — не сумасшедшие, это люди, которые будто заключены в некий кокон. Чаще всего не умеют разговаривать, но чувствовать, понимать могут. И радуются, когда их любят, и плачут, когда нет. Правда, выражают это не всегда в понятной для окружающих форме.

Стивену нечего делать, и порой он начинает мастурбировать прямо у Анны на глазах. Потому что возраст. И потому, что его никогда не оставляют одного — без пригляда, и понятно, что это своё дело ему в любом случае приходится делать у кого-то на глазах. Желание шибает ему в светлую, кучерявую, подростковую голову, и он, отвернувшись к стене, получает удовольствие. Анне противно и страшно, она пытается переключить его внимание на занятия, достаёт припрятанную в сумке игрушку, которая крутится на столе, мини-юла, но мальчик внезапно свирепеет и бросается на учительницу, вцепляется в волосы. Анна нажимает на кнопку специального звонка, и к ней приходит помощь.

Конечно, идея с юлой — не лучшая, но что делать, сидеть и смотреть, а потом вытирать ему руки салфеточкой?

Остаток дня Стивен колотится головой о стены, кричит, рычит. Не потому, что столь безумен, а потому, считает Анна, что до него никому нет дела. Пока она с ним занималась, он ведь сидел тихо, отвечал, рисовал и даже улыбался. А коли каждый день тебя запирают на часы в замкнутом пространстве, что ж ещё делать?

От китайцев Анна едет в дом к клиентке-украинке. С той стало сложно. Бабушка из Ровно, она воспитывает внука-аутиста одна. Где его родители — непонятно. И она, конечно, молодец. Тратит на ребёнка деньги, Анна у неё не от конторы, а частным образом даёт уроки. И бабушка Августа хорошо платит. Она моложава, ухожена. Деньги на внука Августа получает через благотворительные фонды. Пробивная.

До военной операции всё складывалось неплохо, было сложновато только потому, что женщина безотрывно следила за занятиями, наблюдая, чтобы учитель не отдыхала. Но Анна привыкла выкладываться, жалела детей и не собиралась халтурить. Ребёнок был милым, чистеньким, красивым, его особенно хотелось спасти. Ему всего четыре, а значит, ещё есть время развить его.

Сейчас с Августой стало тяжело находиться в одной комнате. Она встречала вопросом:

— Ты слышала новость? Русские уже у Киева... — И заглядывала в глаза. Страстно хотела найти ответ, на чьей стороне Анна. Та отворачивалась, снимала обувь, доставала тапки и спрашивала в ответ:

— Марек хорошо спал? Он не уставший?

— Хорошо, — торопливо отвечала украинка и в смятении удалялась. Потом, в момент передышки или перед уходом снова заводила вольнку про военную операцию.

— Нет, ну, как так можно? Россияне стреляют по мирным людям, звери! — И снова пристальный взгляд.

— Вы, пожалуйста, вечером повторите с Марексом счёт до пяти, — просила Анна.

И вот опять она едет к Августе. В высотку в центре Калгари. Это красивое здание, всё в зеркальных стёклах, с консержем, мягкими креслами и зеркалами в золотистых рамах на входе. Надо отмечаться, когда приходишь.

На этот раз Августа была настроена решительно. Только впустив Анну, зачистила:

— Я просто не могу жить... Не могу спать... Русские разбомбили полигон у Львова, базу, где были даже канадские волонтеры. Орки насилуют женщин и детей... Как вот вы к этому относитесь, Анна?

— Я не смотрю новости, у меня очень много клиентов. Прихожу домой в семь и ещё два часа готовлюсь к завтрашним урокам.

— Нет, ну, вот я вам рассказала. Как вы считаете, Путин сошел с ума? Вы же на нашей стороне, как канадская гражданка...

О-о-о. Запахло угрозой. Доносом. Анна не знает, что ей будет, если власти Канады узнают, что она за Путина. Скорее всего, ничего. Она давно за него, как и тысячи других русских канадцев. Они все последние годы ходили Бессмертными полками, проводили демонстрации за Донбасс, собирали туда гуманитарку, и ничего.

Но всё равно противно.

— Мне не позволяют говорить о политике. Учителя не должны это обсуждать.

— Но вы же у меня работаете не от компании, а сами по себе.

— Этика касается любого учителя.

Они смотрят друг на друга. Анна понимает, что ей надо уходить. Не из квартиры, а вообще. Не даст ей эта бабка работать. Августа, в свою очередь, понимает, что перед ней — представитель “агрессора”, путинистка. И вот как быть? Марек к ней привык, стерва хорошо обучает. Украинство в Августе борется с родительством. С бабушинством.

Сначала победило бабушинство. Но ровно на четыре урока. Оскорблённое украинство продолжало бурлить, и Августа стала делать Анне замечания:

— Ты слишком часто смотришь в телефон!

Анна туда смотрела пару раз за два часа уроков. Секунду. Пришло сообщение, она не стала его открывать, но взяла телефон в руки, чтобы посмотреть, не от дочери ли. Может, у той нестерпимые боли и пора “скорую” вызывать.

На следующем занятии старушенция упрекнула, что Анна ходила в туалет.

— А Марек в это время плакал! Что ты ушла. Он к тебе очень привязан.

Не знаешь, что и ответить. Маргарет Тэтчер гордилась, что могла не ходить в туалет по шесть часов. Но Анна — не Маргарет.

После третьего занятия Августа сообщила, что Анна не следит за ребёнком (сама она куда-то уходила), и у него гематомы, а значит, он упал. Она продемонстрировала синяки у мальчишки на ногах. Анна от ребёнка не отходила, стало быть, синяки появились после её ухода, и стало быть, бабка решила использовать их против неё.

После четвёртой встречи она обвинила Анну в том, что та якобы оставила ребёнка одного (сама Августа снова покидала квартиру на время занятий), и тот проглотил таблетки, и его рвало, ребёнок мог умереть.

Тут, наконец, до учительницы дошло, что клиентка не успокоится, пока не лишит её лицензии. Анна сообщила, что это её последний урок, и ушла. В машине, пока ехала домой, держась за руль трясующимися руками, всё же переживала, что лишается большой суммы. Украинка брала много уроков. Теперь где-то надо искать нового клиента — заполнять финансовую брешь, ведь эти деньги уже пошли в дело — Анна посылала их маме в Томск. Точнее, потому что перевод денег в Россию запретили, она отдавала их знакомой в Калгари, а та со своего российского счёта переводила эквивалентную сумму в рублях её матери.

Придя в офис, Анна узнала, что Августа позвонила туда и сказала, что Анна Донцофф — плохой учитель, детям с ней находиться опасно и её следует уволить.

— Эта женщина украинка. Она огорчена событиями на родине, — объяснила Анна директору.

И её поняли. К счастью, руководство знало её как профессионала, и в стране уже начались украинские выходы против русских иммигрантов, газеты мягко предупреждали бурлящую украинскую диаспору об ответственности и публиковали e-mail полиции русским для жалоб. В Торонто дошло до того, что некая дамочка призвала украинок вредить русским детям.

— Вы же работаете в детсадах и школах, подсыпайте кацапским детям в еду, пусть сдохнут! Если вы маникюрша, заражайте русских клиенток СПИДом! — призывала обезумевшая Ганночка. И допризывалась до уголовного дела. Не из-за угроз, хотя и их бы хватило, а потому, что она, зарабатывающая выпечкой домашних тортов, действительно насыпала чего-то в торт для детей, — причём семье своих постоянных клиентов, которых обслуживала годами! — и праздновавшие попали в госпиталь с отравлением. Не смертельным, но рвота и понос — пожалуйста.

Анна думала над этой историей. С одной стороны, негодование украинцев можно понять: кому приятно, если в твою страну вошла чужая бронетехника? Представила такое в России, и сердце упало. Этого просто нельзя вынести. Однако... Во-первых, вошли на Украину не танки Мозамбика, а свои, русские вошли... Не сопротивлялись бы, так и без крови обошлось бы. Что вам, плохо было в УССР? Да вы только тогда спокойно и жили, когда со своими, русскими. А с поляками резали друг друга. Ну, да ладно, украинцев уже переформатировали, и они не верят, что русские — свои, считают нас мокшей, угро-финнами, татарами, как будто в присутствии этих кровей есть что-то плохое. Но призывать травить детей, заражать СПИДом? Анна бы не стала. И никто из её друзей и знакомых не стал бы.

Русские все предшествовавшие СВО годы вели в Канаде активную деятельность по моральной, а порой и материальной поддержке Донбасса. Не военных подразделений — тут опасались, что обвинят в спонсировании незаконных формирований, — а больниц, детдомов. Едва только началась бомбёжка Донбасса весной 2014-го, как обезумели от горя. Метались. Не знали, что делать, как помочь. Проводили митинги против АТО, стояли во всех больших городах перед местными парламентами с российскими флагами. В Оттаве так стояли, когда Порошенко прибыл. Туда же пришли украинцы, и только полиция спасла две толпы от побоища.

Анна в те дни посмотрела по российскому телевидению сюжет о погибших от взрывов на улицах Донецка и Луганска, и после этого случайно наткнулась на ютубе на песню “Солнечный круг”. Как она рыдала! Как совершенно по-другому, чем в детстве, открылись ей слова этой песни:

*Слышишь, солдат, видишь, солдат,
Люди пугаются взрывов!
Тысячи глаз в небо глядят,
Губы упрямо твердят:
“Пусть всегда будет солнце...”*

А украинцы канадские не понимали русского горя, не сочувствовали, охаивали в соцсетях сожжённых в одесском Доме профсоюзов людей, смеялись над “жареными колорадами”, проклинали убитого полицией русского активиста — дело тёмное, никто так и не понял, почему остановили и застрелили в Эдмонтоне простого русского мужика, строителя, который всеми, включая канадскую компанию, в которой он работал, характеризовался как добрый, спокойный труженик. Так вот, украинцы его проклинали, узнав, что он организовывал Бессмертные полки, гоготали.

А теперь удивляются, почему русские не возмущены падением снарядов на украинскую территорию. Отчего российская общественность не в ужасе, ведь “война — это самое страшное, нападение ничем не может быть оправдано” (да ну?). И продолжают стება́ться над нашим ответным:

— А чего вы не возмущались восемь лет, пока бомбили Донбасс?

— Дамбили Бомбассе? Бу-у-гага! — вот и весь ответ.

Неделю назад Анна ходила в сауну. Чтобы отвлечься от всех больных — и клиентов, и от дочери, у которой из-за болезни совершенно испортился характер. Она целыми днями сидела дома, смотрела аниме и искала, в чём мать виновата, чего ей недодала, и особенно её бесило, что Анна не прекращает попыток наладить личную жизнь.

— На штаны меня променять хочешь?

Только Анна вышла из парилки, как к ней подошла дама. Сразу в лоб спросила на русском:

— Ну, и что ты обо всём этом думаешь?

Минутное замешательство, и Анна сообразила, о чем речь.

— Почему я должна вам отвечать?

— Говори, а то я тебя сейчас.... — Женщина выругалась.

— Я сейчас полицию вызову, — твёрдо сказала Анна. И баба в махровом полотенце, красная и потная, всё же отступила, но стала орать про русских, про Путина. И настроение всё же испортила.

В другой раз пришлось увидеть, как украинка мечет йогурты в какого-то человека в магазине и орёт дурниной:

— Чемодан-вокзал-Россия! Нечего тут русским делать! Мы победим вашу Рашку! Мы её с лица земли сотрём! Украина понад усе, запомни, скотина!

За восемь лет Анна так и не поняла, что случилось с украинским народом. Когда русские увидели, как он заскакал и начал кричать, что “москаляку на гиляку” — ни с того ни с сего, при вполне независимой жизни после падения СССР в течение двадцати трёх лет, когда “москаляка” не особенно даже и смотрел в их сторону, выбираясь из пропасти. И вот нате — “на гиляку”... С чего украинцы обезумели? Многие тогда, в 2014-м высказывали версию, что им что-то подсыпают в воду или распыляют в воздухе. Не мог весь народ вдруг измениться, будто бес в него вселился.

Анна за три года до переворота побывала в Киеве — после многих лет жизни в Канаде. И всё на Украине было прекрасно — тепло и по-домашнему. Люди говорили по-русски. Про Путина — с уважением и завистью к россиянам. Про свою власть — без уважения, но и без ненависти. Украинцы в поведении оставались такими же, как воронежцы, самарцы или омичи. В разговорах с таксистами Анна выяснила, что живут киевляне вполне неплохо. Хотя Киев за годы независимости всеобщего благосостояния не достиг, создавалось ощущение, что власть страны живёт сама по себе, а народ — сам по себе. Анну позабавило, как киевляне называли парадными подъезды, которые будто под бомбежкой побывали. Там не только большими кусками отвалилась штукатурка, но и зияли большие дыры, будто в стену внутри подъезда попало ядро. И это ещё до Майдана...

И всё же Украина жила мирной, спокойной, вполне сытой жизнью. С переворотом ничего не улучшилось, напротив — новые власти и их прихлебатели стали жить ещё роскошнее, а народ — погибать на войне, которую ему тут же устроили. Тьма же, как только овладевает какой страной, первым делом войну развязывает... В ней сплошные выгоды: и оружие новое опробовать, и ВПК заказы получает, и военные — опыт, и умирают не свои. А главное — погибают молодые мужчины — те, кто способен сопротивляться тихой иностранной оккупации. Остаются бабы, дети и старики. И делай что хошь — грабь, навязывай гей-парады, органы вынимай...

В фильме “Иван Васильевич меняет профессию” это наглядно показано — как два жулика, усевшись на трон, сразу отправляют армию в поход, потому что боятся её.

У Анны в голове не укладывалось, как могли украинцы это всё принять. Ведь в то время, что она ходила по Киеву, разговаривала с самыми разными людьми, она увидела, что они простосердечны, добры, честны... Спросила на базаре цену на шапку вязаную, ей ответили, она пошла дальше с мыслью, что поищет цену пониже, а если не найдёт, купит эту шапку бабушке, которую встретила на углу и которая была в ноябре в тоненьком платочке (“а у меня шапки нет”). Ничего лучше не нашла и вернулась к первой торговке, отсчитала озвученную сумму, купила. И когда пошла прочь, торговка её окликнула: “Женщина, вернитесь. Я вообще-то дешевле эти шапки продаю”. Анна вернулась, получила сдачу, удивилась.

Наш народ. Русский. Только окраинный. Жалко торговке стало Анну с большой девочкой — дочка Анны, несмотря на то, что ей было тогда семь лет, сидела в коляске...

Анна пошла к бабушке, которая присела на углу улиц на лавочке и ела какую-то плюшку, вручила ей шапку и денег дала. Та не ожидала, не нашлась

даже, что сказать. И Анна ушла, а когда уже была далеко, оглянулась и увидела, что старушка стоит столбиком, прижав толстый вязаный мохеровый берет к груди, и смотрит ей вслед.

Потом в обувном отделе магазина девушка долго рылась в каких-то бумагах и таки нашла ей босоножки для дочки со скидкой, хотя Анна не просила.

Анне поглянулись киевляне. Приехала в Канаду и хвасталась друзьям, что “дома побывала”. Потому что тогда домом было всё — Москва ли, Киев ли, Минск...

Хозяин квартиры, которую она снимала в Киеве, тоже понравился. Светлоокый, с тонкими чертами лица интеллигентный молодой мужчина. Она позвонила, сказала, что не может открыть стиральную машину, а там её стираное бельё, и он тут же приехал, открыл и слова поперёк не сказал, что, мол, дура ты дура, включила бы мозги, так сама бы открыла. Она предложила возместить затраты на такси, он отказался. И ведь знал, что она из Канады, а не позарился.

Наши люди... Где он теперь, этот парень, неужто воюет? А может, давно в земле, может, его ещё в 2014-м призвали? Горе, горе...

Так вот, не могла Анна понять, как жителей Украины сделали такими бесчувственными, злыми, зигующими, и предполагала, как и многие другие, что им что-то в воду подсыпают или распыляют в воздухе. Потом вспомнила, что есть у неё в Киеве знакомый, который за союз с Россией. Значит, всё же не подсыпают?.. Ну, и если вспомнить бандеровщину, так она всегда на Украине была. Просто сейчас ей дали автомат и микрофон...

Зависть ещё сгубила, жадность. Уж как им вдруг захотелось в Европу... Так разожгли себя, что предали родного брата. За каинство Бог и карает. Целая страна, охваченная пороком, может быть наказана так же, как один человек. Рим был разрушен разворотом, Украина — завистью.

Одним хотелось, как в Европе, и они скакали, другие не вмешивались в происходящее — их хата с краю. В то время Анна и вдумалась впервые в эту поговорку. У русских же не говорят, что хата с краю. Нам до всего есть дело — до голодающих в Африке, до загнанных в резервации индейцев. Русская армия кому только не помогла за свою историю — болгарам, сербам, сирийцам, армянам. Да что там говорить — не раз весь мир спасала. А на Украине — хата с краю. Донбасс бомбят, а в Киеве в барах пьют и пляшут...

Уже после пандемии пришло в голову, что, может, им, украинцам, прививки какие ставили, ещё до 2014 года? Под видом вакцинации от гриппа. И они теперь управляемы извне? Дикая гипотеза? Смешно? Но Билл Гейтс придумал микрочип для аборта. Он вводится женщине под кожу и извне ей можно сделать аборт. Некто нажимает кнопку и в организм выливается вещество, которое убивает плод. Об этом написала “Нэшнл пост”. Да и другие СМИ сообщали. Вот скажите, зачем нужно такое изобретение? Для контроля за демографией, для наказания непослушного? Плохо работала, выступала против смены пола детям, вот тебе — не имеешь права родить.

А ведь так можно убивать не только плод, но и саму женщину. Зависит от вещества в микрочипе. А управлять человеком, чтобы скакал и чтобы поглупел, стал внушаем, разве нельзя? В начале пандемии высмеивали мысль о том, что вакцины против ковида могут оказаться микрочипами. Анна же прочитала на правительственном монреальском сайте беседу с учёными. Беседа та должна была развенчать конспирологические теории, но только укрепила их. Учёных спросили, можно ли через иглу вставить микрочип. И те ответили, что не только можно, но это происходит сплошь и рядом: так чипируют животных и птиц и так вставляют чипы тем, кто хочет бесконтактно расплачиваться.

Вот и думалось, глядя на скачущих украинцев: сами подпрыгивают или их извне заставляют? Арестович сказал, что у его соотечественников порваны все нейросвязи. Это он образно выразился или что-то знает?

Надо расколдовать Кая. А как его расколдуешь, коли он так и находится в чертогах Снежной Королевы, и сердце его стало льдом, и тебя ему показывают в блюдечке с голубой каёмочкой, приговаривая: “Вот сестра твоя Герда, она пришла убивать”. Остаётся биться в эти чертоги на

бронетранспортёре, закидывать снарядами, взрывать их к едрене фене и рвать Кая из рук морозной стервы — пусть и с кровью, отрывая ему руки, ноги, потому что душу надо спасти. Душа — важнее.

Тревожилась Анна. С одной стороны, радостно, что Россия своей операцией положит конец войне на Донбассе, и Украина снова будет наша — не только территориями, но и по духу (выбили однажды бандеровщину и сейчас выбьем — как грязный половик), с другой стороны... А ведь получила Тьма то, что хотела, — гибнут молодые русские, молодые украинцы, все те же самые силы, которые могли бы сопротивляться власти Зла. И если всё затянется, то там и там останутся обширные территории с бабами, стариками и детьми. Крути их, как хочешь, вытряхивай им карманы, захватывай земли, бури недра. Разделяй на множество мелких стран и властвуй.

Но разве есть у России другой выход, кроме как силой спасать и спасаться? Нет, не оставили.

Русские в Канаде попритихли. Раньше можно было ходить с российскими флагами, с Путиным на майке, требовать, чтобы Канада не давала деньги на АТО, а сейчас резко всё изменилось. Из каждого утюга несётся про Украину, показывают разрушения, утверждая, что это русские наделали, беженцев интервьюируют, вызывая жалость в сердцах добрых в общем-то канадцев. Те искренне сочувствуют.

Но не все.

— Энн, ты давно была в России? — осторожно подбирается к теме канадская клиентка Джоанна.

— Давно.

— Путин — хороший? — Канадка смеётся, чтобы, если что, выставить вопрос шуткой.

Анна прямо смотрит в глаза и решает, что она имеет право на свои пристрастия. Будь что будет.

— Самый лучший.

— Так ты за него? — оживляется Джоанна. — Мы тоже. Он борется с глобалистами! Его за это и ненавидят. На Украине множество биологических лабораторий! Мы очень на него надеемся, что он всё выявит и прекратит весь этот ужас с ковидом и вакцинацией. И ты знаешь, что он не даёт пропагандировать гомосексуализм перед детьми? Да!

Анна молчит, слушает.

— Как только Россия начала войну, по всему миру прекратилась пандемия! Отменяют запреты, и то, чего мы тут добивались “конvoями свободы”, пришло к нам само собой! Благодаря России! Благослови её Бог!

Анна улыбается, надевает ботинки, а потом внезапно, поддавшись порыву, обнимает Джоанну. И та держит её в своих объятиях долго. И они понимают друг друга и любят друг друга, как две жертвы кораблекрушения, обнаружившие себя целыми и невредимыми на необитаемом острове. Обе принимали участие в “конvoях свободы” в феврале — незадолго до российской военной операции. “Конвои” начались, когда канадский народ, замученный карантинами, масконошением, увольнениями непривитых, дистанционным фиктивным обучением детей, а главное — принуждением и запугиванием с экранов, восстал и показал, что он не раб. Тысячи дальнoбойщиков двинулись огромной колонной — в семьдесят километров — в Оттаву, чтобы встать перед парламентом и потребовать возвращения гражданских прав.

Ковида-то в Канаде почти не было, несмотря на печальную статистику. В 2020 году никто из знакомых Анны не болел. Это как так-то? В России, Китае, Индии, Иране, — короче, в “оси зла” — люди болеют и умирают, а тут Божья благодать. Специально опросила знакомых в Фейсбуке, есть ли у них кто-то, кто болен? Нашлось двое, кто знает таких людей. Из сотен её фейсбучных друзей...

В 2021-м, когда в страну завезли вакцины (то, что именовалось вакцинами), больные появились, но ковид был таким лёгким, что не требовал ни особого лечения, ни госпитализации. Анна с дочерью пережили его легко и даже не обращались к врачам. Выходило, будто кто-то выпустил лёгкий шторм, чтобы подтолкнуть народ к вакцинации.

К зиме 2022-го миллионы осознали, что операция по их спасению от ковида полностью подтверждает конспирологические теории, но не знали, что делать в стране, где везде камеры и где ты весь в кредитах. Протестовать страшно, когда твоя компания закрылась навсегда после двухлетнего, с редкими перерывами, карантина, и ты получаешь пособие от государства. Оно на долгий срок обеспечило покорность канадцев судьбе. Но к февралю 2022-го его уже не платили, и народ, услышав, что тракеры идут на Оттаву требовать отмены антиковидных запретов, примкнул. Тысячи людей стояли вдоль дорог, приветствуя дальнобойщиков, с плакатами, на которых нарисованы сердца, написаны проклятия в адрес власти и требования о возврате прав. А миллионы — в Канаде и США — скидывались на акцию. В итоге собрали около двадцати миллионов долларов.

— Я неожиданно стал канадским революционером, — рассказывал Анне русский дальнобойщик Сергей. — Мы ехали в столицу, чтобы качать свои, тракерские права, чтобы отменили обязательную вакцинацию для нас, но народ высылал на дороги — с едой, с письмами детей, с такой оглушительной надеждой на спасение, будто мы армия. Невозможно было не поддаться, не встать уже за всех...

Пятидесятилетний мужик, он вытирал слёзы, вспоминая эти дни. Работу, к слову, потерял — компанию, в которой он работал, закрыли, но ни о чём не жалеет. “Я сказал семье, чтобы, когда умру, написали на памятнике: “Сергей Иванов, участник “Конвоев свободы” — 2022”.

Конвой подавили. И сильные мира сего не были бы собой, если бы не отобрали те самые двадцать миллионов. Лидеров мирного протеста отправили за решётку, ввели военное положение и дубинками разгоняли людей, и конями топтали. Счета замораживали, домашних питомцев участников протестов обещали усыпить на том основании, что если владелец арестован, питомцу грозит голодная смерть. В общем, показали всему миру североамериканское народовластие.

— Оно навсегда, — нагло улыбаясь, сказала с экрана одна чиновница о военном положении, которое по закону вводится только в случае террористической или военной угрозы, или стихийного бедствия. Но через три дня Оттаве пришлось его отменить. Анна не знала, почему. Подозревала, что посыпались банки, из которых испуганное население стало массово снимать большие суммы. Канадцы до этого не были о себе высокого мнения. Они осознавали свою чрезмерную послушность, которая происходит вовсе не от глупости или из трусости, а из-за упаханности. Большинство бизнесов в стране ведь частные. Конкуренция высока и жестока. Долгов у каждого — море. Кредитами элиты закабаляют общество. Благами, роскошью — соблазняют. И вот набирает человек всего — дом покупает, машину, ездит в турпоездки, гардероб ломится от шмоток — тут ведь культ успеха, ты не должен отставать от других: клиента разбежится, если увидит, что ты беден... А в итоге ты не можешь и слова молвить против сильных мира, так как если вылететь с работы, чем платить за дом, еду, машину? Из дома банк выгоняет уже через два месяца неуплаты.

В России можно хоть в тайгу убежать и жить, как Агафья Лыкова. В Канаде найдут. С вертолётном. Потому что нечего на чужой земле проживать.

Страх и отчаяние охватили Канаду в два года пандемии. Не ковида боялись, а тех, кто от него спасает... По телевизору каждый день главный медицинский инспектор выступал. Или выступало. Не поймешь, мужик ли, баба ли... И только плохое говорит...

— Я каждый день закроюсь в ванной и плачу, — сказала Анне знакомая американка.

— Не бойся, — утешала её русская. Хотя и сама периодически ложилась на кровать и сворачивалась в позе эмбриона — тосковала. — Всё будет хорошо.

— Откуда ты знаешь?

— Мир не может быть завоёван, у него есть защитный механизм, иначе его давно уже кто-то захватил бы. Но это не получилось ни у Македонского,

ни у Чингисхана, ни у Гитлера, ни у Наполеона. И у этих... не получится. Они не могут предусмотреть всё. Это раз. Второе — скоро придёт Герой.

— Какой герой? — удивилась американка.

— Обыкновенный. Он всегда приходит, когда народу тяжело. Ниоткуда. И спасает. Вот увидишь.

Американка засмеялась. Поверила. С такой убеждённостью Анна говорила... А та просто хорошо знала русские сказки и понимала, что это не сказки вовсе, а хроники, изложенные в доступном необразованным крестьянам формате. И богатыри, которые спят тридцать лет, а потом являются и крушат Идоллице Поганое, действительно были. И, конечно, не спали они, а росли.

Так вот, и иммигранты были о канадцах мнения невысокого, как о людях закабалённых, мало читающих и боящихся собственной тени, и сами они о себе такого же были мнения. А тут! Увидев, сколько их, недовольных, бесстрашных, стоящих на площади у парламента и обнимающихся друг с другом, требующих возвращения прав и реальной демократии, канадцы зауважали себя. А иммигранты — искренне, не напоказ — полюбили Канаду.

До этого просто жили, питаюсь её благами и честно в общем-то работая, но не испытывая чувств. А тут увидели канадский народ. В буквальном смысле. Стоящий в пуховиках, шапках с помпонами, с плакатами на груди: “Я здесь, чтобы, когда внуки спросят, где я был в то время, я мог сказать, что сражался”. С транспарантами “Невакцинированные — это розовый сад”, “Иммунитет — лучшая вакцина”. Мальчик один стоял с транспарантом: “Вырасту и стану тракером — чтобы спасти нашу страну”. Вакцинированные тоже принимали участие. Они понимали, что сохранили работу, но им не дали выбора, заставили уколиться.

Анна плакала от восторга, и многие плакали и вытирали слёзы варежками, а тем, кто забыл варежки, незнакомые люди их давали, ибо запаслись, зная, что кто-то из единомышленников придёт без них. Это была атмосфера любви и единения, когда все: потомки шотландских и ирландских переселенцев, индейцы, индусы, китайцы, русские, украинцы, арабы и персы — чувствовали себя единым народом, над которым нависло Зло. В эти февральско-мартовские дни 2022 года они держали канадский флаг с красным кленовым листом с любовью. Правда, перевёрнутым, чтобы показать, что страна поставлена с ног на голову.

У Анны снова увлажнились глаза, когда узнала, что на мост Амбассадор, связывающий Канаду и США, поддержать тракеров пришли ветераны разных войн. Водители перегородили дорогу в знак протеста против требования правительства, чтобы они все вакцинировались. Военные в парадных мундирах, с медалями, встали стеной, сцепившись локтями и закрывая собой колонну дальнобойщиков.

После этих объятий у них с Джоанной стали совсем другие, почти сестринские отношения. Анна и так-то выкладывалась, занимаясь с её дочкой, а тут и вовсе превзошла самоё себя, и девочка отзывалась на эту заботу, быстро прогрессировала.

Героем же, о котором Анна говорила американке, оказался Путин. Неудивительно, конечно. Он уже спас Россию после девяностых. И Сирию — спас. Странно ли, что и сейчас на помощь испуганному человечеству снова пришёл русский офицер? Нет. Но Анна всё же не ожидала. Она думала, что история преподнесёт другую, новую персону, взявшуюся невесть откуда.

Но нет. Бог возложил спасение мира на всё те же плечи. Кто везёт, тому, говорят, подкладывают.

Если, конечно, всё это — вся мировая политическая канитель — не фарс, не шоу, и всё настоящее — и царь, и враги, и прочее. Потому что после шапито с пандемией, включая вакцинацию и в России, у миллионов зародилось чувство, что всё предопределено какой-то всемирной шайкой, которая лишь распределяет для стран роли. Но об этом лучше не думать, а то можно совсем сойти с ума. В наше время, когда отовсюду на тебя идут информационные потоки, и ты сомневаешься уже буквально во всём, главное, поняла Анна, — прислушиваться к интуиции. Иногда человеку не остаётся ничего, кроме как просто верить тем, кого он всегда любил... Дай Бог, они всё те же...

Хотя новые герои всё же появились. Кадыров. И вся его Чечня. Смотреть — не насмотреться. Что войны, что их молчаливые матери. “Независимо от того, как закончится спецоперация, мы будем бить сатанистов”, — сказал в горькие дни, когда у наших не особо ладилось на фронте и сердца россиян погрузились в тревогу и подозрительность. И его сердце — это было заметно — тоже не находило покоя.

Но заверил. И дополнительные силы послал на фронт. И всё время, как былинный князь, находился со своей дружиной. Как никто. И с народом всей страны ежедневно вёл разговор — объяснял, утешал... А когда Путин с трибуны говорил о любви к России, поднял мужественное, бородастое лицо вверх, будто хотел, чтобы появившаяся в глазах влага осталась там.

Любит, любит Россию. Не лгал, когда говорил, что пехотинец...
Дорогой ты наш...

Это был выходной. Один-единственный в неделю. Светлое Христово Воскресенье. Днём Анна с дочкой жарила барбекю на фронтъярде — участке земли с ровно подстриженной травкой перед домом. Вечером у неё было назначено свидание. На сайте знакомств списалась с импозантным мужчиной — немолодым, но и она не девочка — сорок лет.

Любви хотелось. Заботы тоже. А то одно сплошное преодоление. То английский учила, то в колледже грызла гранит науки на этом языке, потом искала работу, а в Канаде без опыта не хотят принимать... Пришлось поработать бесплатно, волонтером, за рекомендации. Потом доказывала работодателю свой профессионализм. И вот каждый день пашет, и дочь поддерживает — морально, физически. Девочке тяжело что-то делать, потому Анна и готовит, и убирает, и стирает. Так ещё и прибавилась военная операция и связанные с ней переживания за наших там, и за себя здесь, ибо на русскую речь стали оборачиваться.

Анна всё ещё мечтала о любви. Она смотрела на себя в зеркало и видела очень красивую женщину. Высокую, стройную, с длинными тёмными, густыми, чуть выющимися волосами. У неё большие глаза и полные губы, тонкий нос, высокие скулы. На вид ей не больше тридцати. Её и дочь принимают за сестёр.

Однако она одна. На личную жизнь не хватает времени. Единственный выходной нужно отдавать дочери. Ну, и настирать, наготовить на неделю.

Хорошо буржуи устроили свой мир — загрузили людей так, что тем некогда не то что революции делать, а даже просто продумать, что их не устраивает, изучить вопрос. Хочется просто лежать. Раскинуться по кровати морской звездой и закрыть глаза, спать.

Анна и дочь вытащили барбекюшницу на фронтъярд и жарят мясо. А почти над ней, над барбекюшницей, которая стоит у забора, нависает балкон соседки. Римма — эмигрантка с Украины, живёт в Канаде давно. В прошлом, 2021 году они с Анной были в хороших отношениях, и Римма спросила, можно ли ей загорать на Аннином участке. Ибо у Риммы была квартира, а не дом. Тоже субсидированная (это жильё для бедных, вполне приличное, но гораздо дешевле), но без земельного участка. Анна разрешила, и украинка провела на её газоне всё лето.

А потом, через полгода, вдруг взяла да наступала в менеджмент, что у Анны дома есть стиральная машина. А это запрещено. Владельцы субсидированного жилья не должны иметь дома стиралок, ибо они жрут электроэнергию. Есть общая прачечная, где в ряд стоит несколько машинок, и туда, засовывая за каждый час по доллару, нужно бросать одежду и стирать. Анна вначале так и делала, пока не заметила, что соседская семья из Нигерии стирает там кроссовки. Потом увидела дряхлых стариков в памперсах, которые они при ней покупали в аптеке напротив, стирающих там своё бельё, и по природе своей брезгливая, женщина больше не смогла опускать в машинку свои нежные трусики и кружевные лифчики. Купила стиралку и спрятала в ванной, накрыв клеёнкой.

Римму она домой приглашала, чаем поила, и та, разумеется, знала о стиралке. И вот наступала. Ни с того ни с сего. Анна перестала с ней здороваться.

Главное, что у Риммы тоже была дома стиральная машина, но Анна решила не доносить в ответ. Боялась, что та разозлится и будет ещё больше гадить. Машину, например, расцарапает или колёса будут протыкать. Анне уже не раз царапали машину и протыкали колёса, когда она прикрепила под лобовым стеклом георгиевскую ленточку. Однажды даже дерьмо положили на капот.

И соседка, ощутив безнаказанность, сорвалась в пике. Неистовствовала. Видя, что Анна и дочь дома, и у них открыто окно, она садилась за столик на балконе и нарочито громко говорила неизвестно с кем. Доносилось:

— Сука из Сибири... Две б....ди, мамаша и дочка... Да я их раз.... в один момент... Для них уже могила вырыта... Чмо россиянское.

Тут и дошло, отчего взбесилась соседка. Из-за военной операции.

Анна терпела. Приходила домой, и дочка сообщала ей, что Римма снова материлась, включала громко музыку, кричала, что она депортирует этих томских шалав, нечего им делать в нашей Канаде.

И вот, когда мясо жарилось, и мать с дочерью зашли в дом приготовить салат, соседка начала мести на балконе. Размашисто. Пыль полетела на мясо. Анна побежала спасать еду, а дочка стала снимать на видео соседку с венником над мясом.

Дома Анна плакала. Устала. От всего. От больных детей на работе и дома, от жизни на чужбине. Ей бы хотелось поселиться в Петербурге, всегда мечтала, но тут у неё есть дешёвое жильё от государства и работа, а там ни жилья, ни денег, чтобы его кушать. Опять же, тут дочери платят пособие по инвалидности, а там, Анна проверяла, это заболевание не входит в число тех, по которым дают инвалидность. Анна плакала и потому, что у неё всю жизнь нет надёжного плеча рядом. Её красота ещё держится, но скоро увянет. А нет времени искать мужчину даже просто для секса. И совершенно непонятно, где заниматься этим самым сексом, — к взрослой дочери в дом не приведёшь, тем более что у неё из-за болезни нет личной жизни, к любовнику пойти — значит оставить девочку, которая и так всю неделю дома одна, и в единственный мамин выходной в одиночестве.

Замкнутый круг.

И всё же вечером она отправилась на свидание к тому самому, импозантному. Выглядела дивно: умело уложенные феном волосы, благородный, неброский, в пастельных тонах макияж, наконец, голубое платье. В Канаде женщины редко носят платья, потому эта одежда производит самое благоприятное впечатление на местных мужчин.

Пока ехала к месту встречи — скамейке в парке, — вспоминались другие мужчины с сайта для знакомств. На неё, сорокалетнюю, клевали в основном кавалеры шестидесяти лет. Жадные, а потому никому не нужные.

В России мужчины одиноки чаще всего оттого, что гуляки напропалую, и жена не выдержала. Или пили. В Канаде другое. Жадны. Скрупулёзно всё считают. Нередко воспитывают детей в одиночку. Это означает, что персонаж много зарабатывает, не хочет платить большие алименты, понимает, что они и на бывшую жену будут уходить, и отсуживает дитя. Тогда не только алименты не надо платить, но ещё и с жены их можно брать.

И вот она встречалась с одним, с другим, и хотя некоторое время закрывала глаза на жадность, потом не выдерживала. Ну, ты хоть на День влюблённых цветы-то купи! Нет, в любви клянутся, а спать с ней хотят даже не за блюда в ресторане, а за собственного приготовления еду. “Я так делаю спагетти!” Макароны он ей сварит. И это при зарплате в пятнадцать тысяч долларов в месяц, что и по канадским стандартам высокий доход.

Был у неё такой один менеджер в любовниках. Итальянец. В уши заливал — заслушаешься. Но на праздники пропадавал, чтобы не тратиться, а когда она спросила, неужели нельзя было хоть букет с тортом купить, сказал:

— Ты корыстная. Без штанов меня хочешь оставить?

Она удивилась, что в английском языке тоже оставить ни с чем — это оставить без штанов.

Бросила его. Хотя сердцем прикипела. Точнее, телом. С голодухи-то прикипаешь к любому симпатичному, стройному и неглупому мужчине.

С итальянцем можно было поговорить об искусстве, книгах. А ей всегда этого хотелось. Но на День влюблённых, пребывая с ней в своей спальне, он вдруг вытащил из ящика шкафа искусственные члены. Голубой и розовый. В разорванной упаковке. И сказал, что купил это ей в подарок. Анна некоторое время молчала, с ужасом взирая. Она — учительница, а что ни говори, профессия накладывает отпечаток. Её мама — тоже учительница. У неё в роду двадцать пять учителей.

Спросила:

— А почему упаковка разорвана? Может, это осталось от твоей бывшей гёрлфренд?

— Нет, это я разорвал, чтобы посмотреть.

Анна не поверила и даже в руки брать отказалась.

В гардеробной у него было сто пятьдесят пиджаков. Он ей сам сказал и показал. И море обуви. Он любил наряжаться. Итальянцы — народ, любящий красоту.

Получив в подарок члены, Анна задумалась, есть ли жизнь на Марсе. Есть ли любовь в Канаде и порядочные мужчины. Она послала итальянца на все буквы алфавита и стала назначать свидания русским интернет-ухажёрам. Но и тут потерпела фиаско. Наши приходили на свидание в затрапезном виде и всё ныли, ныли... Что жена бросила, что все женщины корыстные, что начальник дурак и не ценит...

Анна заметила, что иностранцы обычно перед женщиной распушают хвост и лгут об успехах, преувеличивают их. Особенно люди с Ближнего Востока — те просто факиры. Наши же, наоборот, жалуются. Потому что первые видят в женщине самку, добычу, которую надо ухватить, и желательно бесплатно, за росказни, а наши в ней видят маму.

— Вот по тебе видно, что ты душевная женщина, — так они начинают и изливают накопившуюся боль, после чего Анне уже ни любви не хочется, ни секса.

И вот теперь она едет к мужчине, которому под шестьдесят, но на фото он модный, в кожаном прикиде, с профессионально подстриженной бородкой, современной причёской, волосы все на месте, и с которым она по интернету даже поговорила о Достоевском. Это сильно прибавило ему привлекательности.

— Зачем тебе эти нерусские? — возмутилась как-то её знакомая Мила, иммигрантка из Одессы. — Выпиши себе из России мужика!

— Он же будет без вида на жительство. Сначала надо сделать ему документы — это морока и деньги, у меня лишних нет. Потом ждать, пока он выучится в колледже, содержать, потом его без опыта не будут брать на работу. Короче, несколько лет нянчить.

— Да ну! Выходишь замуж, привозишь и бросаешь на стройку. Какой колледж? Пусть руками работает, там заработки хорошие, а есть и второй плюс — ты его почти не будешь видеть. Будет вечером приходить, валиться в постель и засыпать. Утром рано уходить. И отдавать тебе всю зарплату. Я так сделала, красота!

У Милы были нестандартные советы на все случаи жизни.

— Какая ты дура! — ласково говорила она. — Зачем ты работаешь? Сделай себе справку о шизофрении и получай пособие.

— Но я не больна.

— В том-то и дело, что если справка о болезни сердца или почек, тут тебя поймают, анализы покажут, что у тебя всё в порядке. А шизофрения такое дело, что никогда не докажут, что у тебя её нет... — Мила хохочет. — Вот я сделала себе и дочери, и имеем два пособия. Тебе телефон доктора Левина дать? За пять тысяч долларов он тебе нарисует.

Анна не знает, что ответить, и Мила понимает это по-своему.

— Дорого, конечно, собака, берёт, но это же кусок хлеба на всю жизнь. Мы теперь с дочей отдыхаем, гуляем везде, общественной деятельностью занимаемся.

Общественная деятельность Милы заключается в том, что она периодически кого-то судит. На деньги. Сейчас она судила своего стоматолога.

До этого она артистично поскользнулась в супермаркете и судила супермаркет. Что-то получила. Она также подала иск против мэрии. Анна не вникала, в чём суть, но поняла, что Мила требует с них каких-то дополнительных выплат инвалидам и что Мила кричала в мэрии, а когда пришла полиция, она помахала перед ними своей справкой, и те удалились, не солоно хлебавши.

— Знаешь, а в России у нас не удалось инвалидность получить, — доверительно пожаловалась она. — Мы хотели, но там столько бумаг требуют! Не прорвёшься сквозь их бюрократию.

И Анна порадовалась за Россию.

Новый знакомец оказался португальцем, которого привезли в Канаду в пять лет. Встретиться он предложил в парке на скамейке. Анна думала, что он приедет на машине, она в неё сядет, и они поедут в какую-нибудь кофейню. Но он приехал на велосипеде. Что означало: куда он ехать не собирался, даже на её автомобиле, ибо как оставишь велосипед?

Вида он оказался потрёпанного. Старый, лысый. Седая борода, как на снимке, присутствовала. А более ничего не совпадало. Одет в клетчатую фермерскую рубашку, старые джинсы и грязные ботинки. Объяснил, что машина у него есть, но на велике удобнее — не надо платить за парковку.

Не зная, о чём говорить, Анна заговорила про сауну, в которой побывала недавно. Сказала, что очень любит русскую баню. Он спросил:

— Как в ГУЛаге? — И засмеялся.

Она заговорила с ним про кино, книги, искусство. Он три раза широко зевнул. Сказал, что любит русское искусство, что даже похож на русских, только не алкоголик. И снова засмеялся своей шутке. Поведал о бывшей жене, с которой у него был общий бизнес. Разведясь, они его продали, а деньги поделили. Сейчас он живёт на эти средства. Денег хватает, чтобы не работать и путешествовать. Есть двое детей. Учатся в частной школе. Сказал это самодовольно. Добавил, что было у него с женой ещё две собаки. Они и их поделили, но теперь ему собака мешает, потому что хочется путешествовать, а как её оставишь? Он собирается сдать её в шелтер.

“Гнида”, — подумала Анна, соображая, как расстаться прямо сейчас. А у португальца вдруг развязался язык. Он пригласил её в артгалерею, куда ему подарили абонемент, то есть это будет для них бесплатно.

— Кажется, дождь начинается, — сообщила Анна голосом Пятачка, и обрадовалась, что можно уйти. Встала и почти убежала. Бежала к своей машине и думала, что вот кому не суждено, тому не встретиться, как ни трепыхайся, а нормальных мужиков нет, и как встречают хороших мужей другие женщины — непонятно, или у них тоже такие нелепые мужчины, но женщины это скрывают? А может быть, это с ней что-то не так? Но как не так-то, если к ней изначально, ещё не зная её, на велике и в грязных ботинках приезжают?

Утром на пороге лежала куча, над ней жужжали мухи. Анна могла бы подумать, что это енот нагадил — они тут, в Канаде, везде. Лазят по мусоркам, бегают по участкам. Фекалии у них на вид, как человеческие. Но куча лежала по центру — так, чтобы человек вышел из Анниного дома и сразу наступил. Более того, в крышке от торта “Киевский”. Анна стояла над ней и думала, что делать. С дерьмом и с соседкой, которая его подложила. За спиной появилась дочь, вскрикнула, потом бросилась снимать. Она сообщила быстрее:

— Вызываем менеджмент!

Анна растерянно смотрела на неё, потом пошла, надела резиновые перчатки, вернулась, чтобы убрать украинский подарок. Дочь, выросшая в Канаде, деловито вызвала полицию и на хорошем английском рассказала приехавшему дежурному. Потом позвонила руководителю офиса субсидированного жилья и рассказала всё, что происходило в последние месяцы, послала видеозаписи. Она говорила, правильно расставляя акценты. О том, что соседка шумит, харассает (“харассмент” — это как сексуальное домогательство, так и просто травля), занимается буллингом (дрознит, оскорбляет), и необходимо принять срочные меры, так как “эта женщина небезопасна”.

— Вам угрожали убийством? — спросили полицейские.

— Да, сказали, что уже и могилы для нас вырыты.

Анна сидела на краешке дивана, застыв, и наблюдала за ней, чувствуя усталость и тяжесть во всём теле. А ей ведь ещё на работу. К мальчику из Сомали, который похож на паука. У него большая гидроцефальная голова и тоненькие, длинные ручки и ножки. Она обнимает и ласкает этот ужас, ребёнок есть ребёнок. И он ведёт себя лучше после того, как его приласкали.

Хочется спать. Вчера до трёх ночи соседка орала на балконе, у неё громко играла музыка, были гости, и снова слышалось про “русских чмырих”, которые “пожалуют, что на свет родились”, “пусть в Кремль жалуются”.

Полицейские, выслушав дочку Анны, пошли к соседке. Не достучались. Пообещали снова прийти. Успокоили. В течение дня Анна работала и позванивала домой. Выяснилось, что стражи порядка опросили соседей, и те подтвердили, что Римма шумит, скандалит. Потом пришли представители менеджмента, им виновница торжества открыла. И какой там был разговор, доподлинно неизвестно, но человек из менеджмента постучался потом в дом Анны и заверил её, что соседка больше никогда не будет докучать, что ей объяснено про грозящее выселение.

Потом к Римме пришла полиция и всё-таки встретила с ней, и хоть и не отчиталась перед Анной, но с тех пор соседка стала тише воды, ниже травы. На балкон она уже почти не выходила, по телефону говорила полупшёпотом, гости к ней продолжали ходить, но это было видно только по теням, передвигающимся за занавесками.

— Давай вернёмся домой, в Россию? — в который раз предлагала Анна дочери.

— Ну, ты же сама говорила, что у меня там инвалидности не будет, а работать я не могу. Не хочу висеть на твоей шее. И жилья у нас там нет. Привезла меня сюда, так терпи.

— Я хотела как лучше. В девяностые при Ельцине было очень тяжело. Я думала о твоём будущем.

— Мне тут только хуже стало. Потому что тут стрессовая жизнь. Я смотрела на тебя, и становилась такой же несчастной. Это ты во всём виновата.

— Я, — тяжело вздыхает Анна. — Тут, может быть, даже не в Канаде дело. Везде сейчас жить тяжело, ты заметила? У нас в советское время как-то всё было просто и понятно. И не надо было постоянно против чего-то сражаться. А тут преодолеваешь, преодолеваешь... И враждебно всё так стало, чувствуешь? — Подумала и добавила: — Если Третья мировая, нас тут могут в лагерь упечь.

— Да ну!

— Что “да ну”?! Украинцев местных в Первую мировую упекли. В отопляемые бараки в Альберте. За то, что у них паспорта Австро-Венгрии. А во Вторую мировую посадили в лагеря уже японцев, даже которые здесь родились.

— Сейчас — это не тогда. Другой век.

— Времена всегда одни и те же. Нас, русских, всех упекут в лагерь, — настаивала Анна, сама в это не очень веря. — И там навакцинируют так, что будем, как зомби, ходить, вытянув вперёд руки. — Усмехнулась, представив. Вдруг порадовалась: — А как всё-таки хорошо, что сняли запреты на перелёты для невакцинированных! Как страшно было, что мы, даже если захотим, не сможем домой убежать.

В Канаде в конце октября 2021-го ввели запрет для невакцинированных на перелёты и поездки на поезде. Даже по стране. Таким образом, уволенные с работы и выкинутые из вузов иммигранты даже не могли уехать к себе на родину. Оказались заперты в Канаде на неопределённое время, как в мышеловке. Было страшно. Ходили разговоры, что непривитых не будут пускать в магазины, и в некоторые торговые сети действительно перестали пускать. Анна, как и многие другие, затарилась консервами и макаронами. Но тревога только росла. Еда же когда-то кончается...

Анна и многие другие ждали, когда снимут запреты. Но сняли только после того, как Путин объявил СВО и рассыпалась глобалистская затея с ковидом.

Анна не просто верила в существование масонов, а точно знала, что они есть. В Канаде их храмов понатыкано немало. С замазанными оконными проёмами. Вроде как окно, но заложено кирпичами. И самих вольных каменщиков не увидишь.

— Масоны — как жопа, — смеялась она. — Слово есть, а их не видно.

В следующий выходной Анна никуда не пошла. Ни на свидание, ни в магазин — есть ещё запасы консервов и макарон, надо съесть, а на ужин она пойдёт с дочкой в ресторан — они так долго были закрыты в карантин, что теперь нужно непременно сходить. И вообще, надо ходить везде, наслаждаться, потому что, как показали последние два года, это всё могут отобрать. Надо успевать жить, пока не новое зараза-шоу и не война.

А пока Анна решила полежать на диване и ни о чём не думать. И новостей не читать. Но не утерпела, взяла в руки англоязычную газету и прочитала на первой странице, что в Канаде невакцинированные на стороне России и Путина. Это показали опросы. Она глубоко вздохнула, улыбнулась и, оборотив лицо к иконе, попросила:

— Господи, помоги нам всем! Пусть русских погибнет как можно меньше. И украинцев — как можно меньше. И пусть украинцы прозреют! Пусть сгинет Тьма. Пусть у России всё будет хорошо. И Канада пусть снова станет свободной! Пусть всегда будет солнце, Господи!